

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 32 (198)

11 ИЮЛЯ 1934 г.
ЦЕНА 20 коп.

С О В Е Т С К О Е И С К У С С Т В О

ОРГАН НАРКОМПРОСА РСФСР

СБОРЫ „ВИШНЕВОГО САДА“

ЗАМЫСЛ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

«Следующая пьеса, какую я напишу, будет непременно смешная, очень смешная, по крайней мере, по замыслу» (из письма А. П. Чехова к О. Л. Книппер, 7 марта 1901 г., после постановки «Трех сестер» в Художественном театре).

И еще: «Минутами на меня находит сильнейшее желание написать для Художественного театра четырехактный водевиль или комедию. Я напишу, если ничто не помешает, только отдам в театр не раньше ноября 1903 г.» (из письма 22 апреля 1901 г.).

Эти мечты упорные: 16 декабря 1901 г. в письме к жене мы опять читаем: «Я все мечтаю написать смешную пьесу, где бы чорт ходил коромыслом».

Этим еще неясным планам о пьесе водевильного жанра дается конкретное содержание через год. Чехов на своем «Чортовом острове» в Ялте, где он чувствовал себя «словно в Азии», занят редактированием собрания своих сочинений, приобретает А. Ф. Марксом. Он не ограничивается мелкими поправками, а многое в рассказах «Антони Чехонте» эпохи «Будильника» и «Осколков» переделывает заново. Так подвергся основательной переработке старый водевиль «О вреде табака».

У Чехова было предчувствие, что водевиль скоро опять войдет в моду.

«Подъем масс шел и ширился непрерывно и преисполнен не только не прекращаясь там, где он начался, но и захватывая новые местности и новые слои населения (под влиянием рабочего движения ожидалось брожение учащейся молодежи, интеллигенции вообще, даже и крестьянства)», — отмечал В. И. Ленин в работе 1908 г. «Что делать?».

«Время нитя революционной интеллигенции и ее плеча на руках революционных пролетариев», — отмечал в своих воспоминаниях П. Лепешинский («На повороте»).

«Три сестры», сыгранные Художественным театром, превратили в ту пору бессмысленно и восторженно, чрезвычайно резко оценку критики. Писалось о гнетущем впечатлении на зрителей, о «чеховских настроениях» зрителей, о «чеховском унынии», о «жесткой боли, как клещами захватившей сердце... что-то ужасное по мертвящему настроению».

Русская жизнь была на подъеме. «Три сестры» контрастировали своей тональностью с тем приливом бодрости, которые переживала радикально настроенная интеллигенция.

Впрочем, сам Чехов был уверен, что он написал комедию, и не понимал, почему его пьесу считают тяжелой драмой русской жизни? Чуждый художник, он не мог не почувствовать веяний времени. — Отсюда с одной стороны, признание своей «устарелости», о чем он неоднократно упоминает в письмах к жене, с другой, предчувствие, что «водевиль войдет в моду». Разумеется, Чехов имел в виду не водевиль только, а вообще то ощущение бодрости, которое не может не быть в пьесе комедийного или водевильного жанра.

Поэтому и была задумана «Вишневый сад» как «средняя комедия, почти фарс».

Чехов отчетливо задумал, что центральной фигурой «Вишневого сада» является старуха. Старуха, комический персонаж — баринья, которая всегда без денег, занимает у управляющего, а когда деньги есть, непременно тратит, роится, распыляет. И Чехов очень озабочен вопросом, кто будет играть эту старуху? О. Л. Книппер он предназначал другую роль: «Ты будешь играть глупенькую... твою роль — дура набиная, хочешь играть дуру, добрую дуру?». «Доброй дурано имя: «Ты будешь Варвара Егоровна или Варя, приемщи двенадцати лет».

Возникает еще один комический персонаж — для Станиславского, а у Станиславского — роль комическая. Судя по дальнейшим упоминаниям об этом образе, заключаем, что речь здесь идет о Лопухине, задуманном как комический персонаж.

Эти образы занимали творческое воображение Чехова, когда он работал над первой редакцией пьесы. Работа была упорной и шла медленно. Чехов говорил, что пишет «букашки» по несложному сюжету в день.

Но не в этих даже трудностях, объяснимых постоянными финансовыми недомоганиями Чехова, был камень преткновения. Дело осложнялось тем, что отсутствие в труппе Художественного театра актрисы на роль старухи заставляло Чехова — в процессе работы над второй редакцией «Вишневого сада» — произвести существование театра актрисой на роль старухи. Чехов вынужден был отдать О. Л. Книппер, ибо другому играть некому.

Для О. Л. Книппер нужно было, конечно, найти и другую тональность образа. Комическая старуха в замысле первой редакции превратилась в Лопухину, которую мы знаем из

по окончательной редакции пьесы, и по мастерскому воплощению этого образа О. Л. Книппер. В новой редакции пришлось перепланировать и те, очевидно, комические, ситуации, которые намечались в связи с положением в пьесе Лопухина как комического персонажа.

Остался все же ряд подлинно комических персонажей: Епиходов, который сложился и из кипрований И. М. Москвина на тему о жуликах,

Артур — Фире

по-фоксусные, и из наблюдений Чехова над артистом цирка в Эрмитаже, номер которого состоял в демонстрации «двенадцати двух несчастий».

За Епиходовым — Шарлотта, чей образ возник из наблюдений А. П. Чехова над некоей английской гувернанткой, которая вела себя совершенно экзотично: прыгала на кучи и говорила всякий забавный вздор.

Оба персонажа настоящие гротески, что вынуждало не бытового, а гротескного, а именно Лопухина, который мог быть гу-

вернанткой в доме Раевской, а подобный Епиходов мог занимать здесь место конторщика!

Несомненно, в гротесковой манере написан и Симеонов-Пинтик, серьезно утверждавший, что Нищие учили: «Прыгай, говори, с крыши, и все!». Несомненно, что этот ряд комических персонажей сохранился из первой редакции «Вишневого сада».

Чехов находил, что в «Вишневом саду» есть новое для его творческой манеры — в том, что во всей пьесе «ни одного выстрела». Но не в этом, конечно, новизна «Вишневого сада», она — в своеобразном сочетании гротескового комического с лирико-драматическим. Это сочетание, однако, кажется, не всегда органичным, естественно вытекающим из существа пьесы. «Вишневый сад» не избавлен от двуплановости, от противоречий. Как, в самом деле, оправдать определение Чехова «Вишневый сад» как комедии, местами даже «фарса», с глубокой драматичностью целого ряда моментов, хотя бы в сцене прощания Гаева с Раевской? Чехов утверждал, что этот акт — вообще «высокий», а во всей пьесе нет низких. На самом деле у него не только есть ремарки, указывающие, что персонажи говорят «своими слезами», но и есть и прямые ссылки на нескрываемые рыдания и слезы.

Он сам чувствовал, что проступает в пьесе неслаженность, противоречивость. Новая Раевская — для Книппер — «сделана только в третьем и первом актах, в остальных она только намазана». Не очень исным получился студент Трофимов: не то это — барин на смежном чужаке, над которым смеется Раевская, справедливо указывающая, что он «чистильщик», что он «стоящий на голове», но не то это — человек, которому нужно что-то сделать, чтобы «сделать», а то он так и останется «чистильщиком», не то это — «исправный романтичный провинциал передовых и даже революционных убеждений, студент, изгоняемый из университета, перекосивший личность, голод, нужду, но ясно выходящий перед собой великую цель — труд, трудовой жизни».

А Лопухин, о котором пишет Чехов, что это — «купец, но порядочный человек во всех смыслах?», «Держась, он должен вполне благоволить», — указывает Чехов, «интеллигентно, не мелко, без фоксуса. Не надо, чтобы это непременно был купец. Это мягкий человек». Но не-

да Л. М. Леонидов — исполнитель роли — попросил разъяснений по существу образа, то получил такой ответ от автора: «Он не кричит, у него желтые башмаки». Потом Чехов показал на боковой карман и сказал: «И тут много денег».

Чехов остался недоволен спектаклем. Нашел, что пьесу не поняли, полюбил, извратили ее смысл.

Прошло 30 лет. Пьеса — снова в репертуаре Художественного театра, и, пользуясь документами, мы можем говорить не только об ошибках театра, но и о заблуждениях автора.

Автор был убежден, что и после переработки первой редакции «Вишневый сад» должен звучать в тонах легкой комедии, водевиля, местами даже фарса. Но ведь не вышел из пьесы «водевиль», не удалась «Вишневый сад» сделать фарсом. Новый образ Раевской, переживший всю тональность пьесы, потребовал и новых — драматургических акцентов. Но Чехов не желал отступить от основного своего задания — создать комедию о беспечных русских людях — и драматическую ткань второй редакции пытался «обезвредить» приемами гротеско-водевильными. От этого пострадала лишь острота композиции.

Писущему эти строки нужно признаться в том, что ему принадлежала в свое время мысль о необходимости нового прочтения «Вишневого сада» как легкой комедии. Этой мыслью воспользовался «Театр комедии» в Ленинграде, поставивший «Вишневый сад» именно в этом толковании. Судя по отзывам, получилось нечто неубедительное. Теперь театр под руководством Симеонова работает над «Вишневый садом», опять-таки акцентируя на комедийном звучании. Было бы нелепо требовать от театра отказа от свободного прочтения текста чеховской пьесы. Иммунитетом не можем ошорочивать замысел режиссуры. Но, приводя ряд фактических фактов, мы хотим только одного: чтобы в работе над заново прочтением «Вишневый садом» были приняты во внимание неопорные положения о двуплановости пьесы, о ее внутренних противоречиях, вытекающих из напластования двух редакций.

Было бы грубым упрощением или пустой эстетской забавой превратить это великодушное произведение, о замечательном провидении, рисующее русскую жизнь конца девятых годов, в смешной фарс.